

ПОЭТИЧЕСКОЕ РЕЧЕТВОРЧЕСТВО И ПРОБЛЕМА ПРОИЗВОДСТВА НОВОГО ЗНАНИЯ О ЯЗЫКЕ И МИРЕ

Аннотация. В данной работе феномен речетворчества рассматривается во взаимосвязи лингвистической и концептуальной креативности языковой личности. Показано, что процесс производства нового языкового и онтологического знания поэтом отвечает всем критериям креативности – параметрам продуктивности, инновационности, самобытности, оригинальности, гибкости. Отстаивается идея о том, что при речепорождении на этапе «свертывания» смысла, поэт не просто соотносит подразумеваемое концептуальное содержание с имеющимися в системе языка возможностями его выражения, но преобразует эти возможности и создает уникальный способ вербализации для данного случая. Особое внимание уделяется анализу фактора содержательности формы в поэзии. Доказывается, что лингвистическая креативность поэта сопряжена с концептуальной креативностью как способностью генерировать многообразные и нестандартные представления об окружающей действительности.

Ключевые слова: лингвистическая креативность, концептуальная креативность, концептуальная интеграция, смыслообразование, поэтический текст.

Многие исследователи поэтической речи рассматривают подчеркнутую нестандартность языкового самовыражения поэта как семантический эксперимент, направленный на поиски новых форм выражения сложных смыслов [Григорьев 2004]. С такой точки зрения речетворчество поэта представляется воплощением уникальной познавательной рефлексии личности, производящей новое знание. В. П. Григорьев призывал считать термин «эвристика» специфическим термином лингвистики и рассматривать методы «эвристического моделирования», присуще-

го поэтам, как способ производства нового знания о мире: «Основание для этого я вижу прежде всего в мощном множестве реальных контекстов поэтического словоупотребления, когда поэзия доступными ей способами и высказываниями стремится познать неизвестное, *новое*, достичь общезначимого *нового знания*» (курсив автора. – Т. У.) [Григорьев 2004: 58].

Лингвистическая креативность поэта всегда связана с креативностью концептуальной: новая идея, сложная смысловая инновация поэта требует соответствующей сложной формы словесного выражения. При речепорождении на этапе «свертывания» смысла, поэт не просто соотносит подразумеваемое концептуальное содержание с имеющимися в системе языка возможностями его выражения, он преобразует эти возможности и *ad hoc* создает новый способ вербализации – уникальный речевой способ выражения уникального смысла. При этом фактор содержательности формы в поэзии определит взаимообусловленность и, вероятно, одномоментность двух аспектов концептуализации: смыслообразования и смыслоформулирования. Если рассматривать поэзию как «высказывание с установкой на выражение» [Якобсон 2000: 27], становится очевидным, что создаваемая поэтом форма не просто выражает сложноорганизованный смысл. Находясь в диалектических отношениях с концептуальным содержанием высказывания, языковая форма выражения в поэзии выполняет сложную конструктивную функцию, структурируя это содержание определенным образом и соответственно развивая его.

В когнитивной лингвистике отстаивается положение о неразрывности языкового знания и знания онтологического [Болдырев 2006]. Мировосприятие поэта как элитарной языковой личности отличается лингвоцентризмом. Категоризация и концептуализация действительности является не просто лингвистически опосредованной, но лингвистически детерминированной для поэта: «*Лишь слову жизнь дана*» (И. Бунин). При этом лингвистически детерминированное моделирование окружающей действительности поэтом носит ярко выраженный творческий характер.

Лингвистическая креативность поэта и производство нового языкового знания

Речетворчество поэта как производителя нового языкового знания имеет давнюю традицию описания в отечественной лингвопоэтике. В. П. Григорьев подчеркивал важность исследования языкового знания поэта в рамках модели «СЛОВО ↔ КОНТЕКСТ ↔ СМЫСЛ ↔ ЗНАЧИМОСТЬ» [Григорьев 2004: 62–66].

Производство нового языкового знания в речевой деятельности поэта связано с реализацией поэтической функции языка (в понимании [Якобсон 1975]). Переосмысление потенциальных возможностей языковой системы осуществляется поэтами в нескольких направлениях: (1) как развитие контекстуальной синонимии, вызванное явлением, которое Р. Якобсон определил как «наложение сходства на смежность» [Якобсон 1975]; (2) как возрастание контекстуальной многозначности и неоднозначности (И. И. Ковтунова определяет данное явление как усиление семантической неопределенности поэтического слова за счет возрастания числа словарных и индивидуальных значений, совмещаемых в одном контексте [Ковтунова 1990: 10]); (3) как усиление контекстуального противопоставления значений отдельных слов и вообще возрастание роли различных видов контраста – семантического, стилистического, ритмико-синтаксического, композиционного и др. [там же].

Новое языковое знание поэта обладает одновременно актуализированной индивидуальностью и интерсубъективностью. Индивидуально оно в том смысле, что поэт использует конвенциональное языковое знание в качестве материала для уникальных преобразований, реализуемых с помощью системы индивидуально-авторских приемов. Например, анализируя идиостиль В. Хлебникова, Р. Якобсон выделяет такие индивидуально-авторские приемы лингвистических преобразований, как «метаморфоза» (развертывание антитезы), упразднение границы между прямыми и фигуральными значениями слов, качественная и количественная неэквивалентность синтаксических членов, сложнейшее окказиональное словообразование («произвольное словотворчество»), игра синонимами и омонимами, ассиметричная рифму и др. [Якобсон 2000]. Ю. И. Левин выделяет у

Осипа Мандельштама приемы «семантического сдвига», «отказа», «раздвоения» и «перекрещивания», реализованные как (1) переназывание объекта (раздвоение смысла при общем денотате); (2) сдвиг с нарушением узуальной семантики и норм лексической сочетаемости; (3) амбивалентная семантика; (4) совмещение противоположных смыслов в пределах одного высказывания и др. [Левин 1998: 24].

В результате реконструкции конвенционального языкового знания образуются индивидуально-выразительные языковые знаки, или «сдвинутые» языковые знаки, как их определяет О. Г. Ревзина [Ревзина 1989: 138]. Индивидуально-выразительными могут быть тропеические номинации, грамматические преобразования, окказионализмы и шире – всякие формы, использующие потенции языковой системы [Ревзина 1989: 139].

Интерсубъективность нового языкового знания поэта проявляется в том, что, отличаясь качествами новизны, оригинальности и самобытности, оно способно восприниматься и разделяться другими языковыми личностями – читателями поэтического текста. В процессе смыслового восприятия поэтического текста происходит взаимодействие познавательного-интерпретационных перспектив автора текста и читателя. При этом воспринимаемая неконвенциональная форма языкового выражения выполняет организующую функцию в реорганизации элементов «готового» языкового знания в сознании читателя и появлении нового языкового знания [Устинова 2017].

Процесс производства нового языкового знания при поэтическом самовыражении отвечает всем критериям креативности: он отличается продуктивностью, инновационностью, самобытностью, оригинальностью и гибкостью. Описывая природу лингвистической креативности, Т. А. Гридина доказала, что неординарное языковое выражение личности базируется на механизмах ассоциативного переключения узуального стереотипа восприятия, создания и употребления языковых единиц [Гридина 1996]. С такой точки зрения новое языковое знание образуется в результате замыкания и переключения вербальных ассоциаций и трансформации «ассоциативных потенциалов слов» (в

понимании Т. А. Гридиной [Гридина 1996]), которые охватывают «различные аспекты знака как единицы языка и речи, позволяющие прогнозировать возможные связи и направления актуализации лексических единиц, с одной стороны, и определяющие отступления от стандартных реализаций заданных системой возможностей, с другой» [Гридина 1996: 33–34].

Важно отметить, что вербальные ассоциации двунаправленно обращены как к предметному (внеязыковому) ряду, так и к знакам, соответствующим этому предметному ряду в номинативной системе языка [Гридина 1996]. С точки зрения когнитивной лингвистики, взаимосвязь языка и мышления проявляется в том, что язык «адаптирован» к концептуальной системе, а языковая система сознания отличается качеством «бифуркации лингвистической организации» [Evans 2016: 1], имея в своем распоряжении два типа символической референции: отнесенность к объектам действительности (a word-to-world reference) и отнесенность знаков друг к другу (a word-to-word reference) [Evans 2016: 7–10]. Соответственно, лингвистическая креативность поэта как производителя нового языкового знания сопряжена с креативностью концептуальной – гибкой и спонтанной способностью генерировать многообразные и нестандартные идеи.

Концептуальная креативность поэта и производство нового знания о мире

Особый тип познавательной рефлексии, проявленный в поэтическом тексте, традиционно определяется как «художественное мышление». Его отличительная черта – повышенная ассоциативность и активизация тропов как механизмов производства смыслов. В основе художественного миромоделирования лежит трансформация образности, возникающая в сознании писателя (а затем и читателя) как результат актуализации поэтической функции языка. Концептуально инновационное содержание (новое онтологическое знание) динамически конструируется как при порождении, так и при восприятии поэтического текста с помощью паттернов воображения, включающих вычленение элементов образа, соединение отдельных частей образа в единое целое, слияние образов и др. Новое знание о мире при порождении (и далее при восприятии) поэтического сообщения возника-

ет как результат (1) инновационного сочетания элементов ментальных пространств, необходимых для динамической концептуализации предмета, события или явления в условиях поэтической коммуникации; (2) привлечения сложноорганизованной сети концептуальных связей в качестве фона смыслообразования; (3) применения эвристических когнитивных операций, необходимых для производства концептуальной инновации – аналогического картирования, концептуальной интеграции, ассоциативного противопоставления и пр.; (4) «системного эффекта» и возникновения качества эмерджентности, когда подразумеваемое концептуальное содержание как смысловое целое отличается от суммы значений отдельных элементов, образующих это содержание.

Поэтическое речепроизводство и речевосприятие – это оперирование сложными концептуальными структурами. Новое знание в данном случае конструируется по законам когнитивного переосмысления и расширения опыта. Л. Брандт и П. О. Брандт подчеркивают, что ведущим механизмом производства нового знания, реализованного в художественном высказывании и тексте, является концептуальная интеграция [Brandt, Brandt 2005]. Конструирование концептуальной инновации (бленда) требует объединения элементов многочисленных ментальных пространств и перераспределения фоновых знаний, уже имеющих в когнитивной базе концептуализатора: «процессы концептуальной интеграции осуществляются через установление и эксплуатацию отображений и активацию фоновых знаний, зачастую с опорой на ментальную симуляцию» [Coulson, Oakley 2005: 1514]. Сети концептуально интегрированных пространств характеризуются наличием внешних и внутренних «определяющих отношений» (outer-space vital relations and inner-space vital relations), необходимых для переноса элементов из родовых пространств в бленд: отношений роли, аналогии, дизаналогии, сходства, причинно-следственных отношений и др. (полный список приведен в [Turner 2007: 381]).

Поэтический текст выдающегося мастера всегда очень плотно насыщен новыми идеями и представлениями о мире. Инновационное концептуальное содержание может проявляться как

на уровне отдельного поэтического слова, так и отдельного высказывания, и текста как сложного смыслового целого. Поясним высказанные выше положения на примере поэтического высказывания Александра Скидана: *На челе скалы – экзема душиных цветов* (А. Скидан «Красный мост...»). Новое знание о предмете (*скале*) возникает в результате серии переходов по смежности и сходству в сети ассоциаций, заданных фокусными точками концептуализации. Блендинг лексических концептов [ЧЕЛО] и [СКАЛА] предусматривает перенос элементов знаний о камне как о природном материале и свойствах образованного из камня геологического объекта и о лице как передней части головы человека. Концептуальная интеграция исходных ментальных пространств, взаимосвязанных с данными концептами, будет осуществляться с привлечением образных схем ПРОСТРАНСТВО, ВЕРХ – НИЗ и СЛИЯНИЕ. В результате интеграции образуется новое знание о неодушевленном природном объекте как антропоморфной сущности. Окончательный вид эти «ингредиенты нового знания» приобретут при конструировании микроконтекста высказывания и следующей серии интеграции концептов, составляющих метафору *экзема душиных цветов*. В результате концептуализируемый объект предстает в парадоксальном единстве противоположностей свойств живой и неживой природы: *скала* как (1) каменное массивное образование – неодушевленное, неизменное, твердое с острыми выступами, первооснова мироздания; (2) образование/сущность с пористой поверхностью и свойством поддерживать физиологию дыхания; (3) дышащее существо, потенциально обладающее выразительностью мимических движений, переживающее эмоциональные состояния (ощущения дискомфорта и, возможно, боли).

Таким образом, реализованная в поэтическом речепорождении фигуральная концептуализация человеческого опыта является сложным взаимопереходом элементов нового знания о мире и нового языкового знания. С такой точки зрения лингвоконцептуальная креативность представляет собой системную характеристику сложноорганизованного единства языкового сознания и речевой деятельности участников художественной коммуникации.

Литература

Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – С. 5–22.

Григорьев В. П. Эвристика и 4-мерное пространство языка // Вопросы языкознания. – 2004. – № 5. – С. 58–67.

Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество: монография; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1996.

Ковтунова И. И. Некоторые направления эволюции поэтического языка в XX веке // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: общие вопросы. Звуковая организация текста / под ред. В. П. Григорьева. – М., 1990. С. 7–26.

Левин Ю. И. О русской поэзии // Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М., 1998. – С. 9–278.

Ревзина О. Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике // Проблемы структурной лингвистики. 1985-1987 гг. / отв. ред. В. П. Григорьев. – М., 1989. – С. 134–151.

Устинова Т. В. Неконвенциональное смыслообразование в поэтической речи: опыт лингвокогнитивного моделирования читательской рецепции; науч. ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург, 2017.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Полякова. – М., 1975. – С. 193–230.

Якобсон Р. О. Новейшая русская поэзия. набросок первый: подступы к Хлебникову // Мир Велимира Хлебникова: статьи. Исследования (1911-1998). – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 20–77.

Brandt L. Cognitive poetics and imagery // European Journal of English Studies. – 2005. – Vol. 9, issue 2. – P. 117–130.

Coulson S. Blending and coded meaning: literal and figurative meaning in Cognitive Semantics // Journal of Pragmatics. – 2005. – Issue 37. – P. 1510–1536.

Evans V. Design features for linguistically-mediated meaning construction: the relative roles of the linguistic and conceptual systems in subserving the ideational function of language // Frontiers in

Psychology. – 2016. – Vol. 7, issue 156. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.00156. – P. 1–12.

Turner M. Conceptual Integration // *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics* / edited by D. Geeraerts, H. Cuycens. – Oxford, 2007. – P. 377–393.

©Устинова Т. В., 2019